

Илья Шумей

День Освободителя

18+

Илья Александрович Шумей
День Освободителя
Серия «Хроники Страны Овец»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45161923

SelfPub; 2019

Аннотация

Ты устал от бессмысленности жизни? Ты не можешь найти свое место в мире, задыхающемся от перенаселения и истощения ресурсов? Так сделай его лучше – вступи в ряды Освободителей!

Залетавший в приоткрытое окно легкий утренний бриз лениво колыхал тонкие занавеси и ласкал обнаженное тело своими осторожными прохладными прикосновениями. С улицы доносился мягкий шелест волн и редкие крики чаек.

Рустам перекатился на спину и раскинул руки в стороны, наткнувшись на лежащее рядом с ним такое же обнаженное женское тело.

– Ты уже проснулся, дорогой? – его уха коснулось теплое дыхание, – хочешь... чего-нибудь?

В ответ Рустам только промычал нечто нечленораздельное и отрицательно помотал головой. Рано или поздно приедаются даже самые изысканные яства и самые изощренные ласки. Сейчас ему хотелось просто неподвижно лежать, прислушиваясь к размеренному шепоту моря, и ни о чем не думать. Последний день, как-никак, можно же позволить себе немного расслабленности и покоя.

Роскошь, чревоугодие и разнузданные оргии настолько плотно заполняли прошедшие месяцы, что теперь мысль о том, что все это, наконец, подошло к своему завершению, воспринималась с легким налетом облегчения. Рано или поздно, но человек устает даже от сладостных утех и экстремальных развлечений. Дайвинг, гонки на яхтах, горные лыжи – все когда-нибудь наскучивает, любая чаша когда-то да переполнится.

Образ чаши невольно пробудил воспоминание о жажде, мучающей после жаркой во всех смыслах ночи. Возможно,

стоило все же встать, чтобы немного размяться и принять душ. Рустам шумно вздохнул и спустил ноги с кровати...

После бодрящих водных процедур и умелого массажа, когда тонкие женские пальчики и нежные женские губы проработали каждый сантиметр его тела, не пропустив ни единого укромного уголка, Рустам почувствовал себя заметно бодрее, и в нем проснулся аппетит.

На веранде его уже ожидали и накрытый стол и стройные девушки в полупрозрачных платьях, готовые удовлетворить любой, даже самый вычурный каприз.

Усевшись на свое место, Рустам окинул взглядом раскинувшуюся перед ним панораму блюд, приготовленных для него искуснейшими поварами из отборных продуктов и оперативно доставленных к его порогу. От такого изобилия еще недавно у него перехватывало дыхание, рот невольно наполнялся слюной, а живот потом долго мучился после жгучего желания всенепременно попробовать все. Сейчас же он абсолютно спокойно, почти равнодушно взирал на окружающее его изобилие еды и женских тел, лениво прикидывая, с чего лучше начать. Он давно успел изучить все особенности, все нюансы представленного ассортимента, а утраченное чувство новизны убивало любое желание, поскольку ты всегда заранее знаешь, что обнаружится под красивой оберткой. Отсутствие элемента сюрприза превращало интригующую лотерею в выбор из уже известных вариантов. И пусть любой из них – выигранный, былого азарта это уже не вер-

нет.

И точно так же Рустама уже давно не воодушевляла возможность пользоваться столовыми приборами из чистого серебра и золота, есть с тарелок из тончайшего, почти прозрачного фарфора и пить коллекционное вино из бокалов, выточенных из самого настоящего горного хрусталя.

Через некоторое время утомляет все, даже сама Жизнь.

После неторопливой и вдумчивой трапезы Рустам направился в зал, чтобы выбрать достойный костюм, соответствующий значимости и торжественности сегодняшнего дня. Его гардероб насчитывал десятки нарядов для самых разных случаев и под любое настроение. Спортивные и строгие, сдержанные и кричащие, классические и экстравагантные – их выбор был способен удовлетворить самого капризного модника, однако сейчас ему требовалось что-то особенное. Что-то, способное должным образом оттенить переход от мелочной суеты бытия к торжеству Вечности.

Его личный портной, уже успевший изучить вкусы своего клиента, выставил перед Рустамом предлагаемые образцы, которые, на его взгляд, как нельзя лучше соответствовали моменту.

Строгий черный фрак был сразу отвергнут как чрезмерно формальный, и точно так же из списка претендентов оказался вычеркнут тускло поблескивающий костюм из тонкой шерстяной ткани с вплетенными золотыми и платиновыми нитями. Сегодня не требовалось соответствовать чьим-

то ожиданиям или же производить впечатление на публику. Сегодня наряд выбирался исключительно под собственный настрой.

И вот тут в душе Рустама вспыхнул бунт. Что бы там люди ни говорили о приличествующих моменту нормах и правилах, он не обязан воспринимать предстоящее мероприятие как повод для скорби! Он сделал свой выбор сознательно и не видел причин для уныния и печали. Сегодня завершается его долгий путь длиной в целый год, и такое событие вполне можно рассматривать как повод для праздника. Почему нет!

Рустам решительно указал на ослепительно белый костюм из натурального шелка, и его портной, коротко кивнув, предложил перейти к подбору подходящей сорочки. Он прекрасно понимал, когда можно возражать и спорить, а когда лучше молча согласиться с выбором клиента. И сегодня как раз именно такой день.

Последний день Освободителя...

Маленькое колесико от игрушечной машинки запрыгало по полу, после чего, немного покувыркавшись, улеглось около ножки письменного стола. Антон Сергеевич, скрипнув креслом, наклонился и поднял его.

– Я так понимаю, что сегодня посещение удалось на славу? – он поднял взгляд на свою заместительницу, которая, слегка пошатываясь, остановилась в дверях.

Лена, с трудом волоча ноги, дошла до ближайшего стула

и обессилено на него рухнула. Спohватившись, шустрый робот-уборщик заметался по полу, подбирая насыпавшийся с нее песок.

Выглядела девушка откровенно неважно. Ее некогда строгий костюм тут и там покрывали разноцветные пятна, на месте оторванного кармана болталась бахрома из выпотрошенной подкладки и обрывков ниток, темные волосы спутались в подобие грязной пакли, а на лбу красовался свежий кровоподтек. Она рефлекторно попыталась поправить прическу, в результате чего на пол высыпалась еще одна добрая порция песка.

– Когда-нибудь... – Лена закашлялась и Антон Сергеевич любезно подал ей стакан с водой, – в один прекрасный день я его все-таки прибую!

Ее босс машинально бросил взгляд на терминал, убеждаясь, что видеозапись в кабинете отключена. Он пару раз коснулся экрана, и из двери за его спиной выкатилась робогорничная, вооруженная медицинским модулем. Агрегат подъехал к стулу, где сидела Лена и приступил к осмотру ее ран. В воздухе замельтешили ловкие манипуляторы с дезинфицирующими салфетками и заживляющим кремом.

– Ты лучше думай о том, как спасла сегодня наш городской бюджет! – голопроектор превратил стену за спиной Антона Сергеевича в огромное окно, открывающееся на детскую площадку.

Словно подгадав момент, красующийся в центре кадра

розовощекий карапуз разнес ударом воображаемого метеорита выстроенную в песочнице базу, обломки которой полетели во все стороны, и один из них, удивительно напоминающий синее ведерко, угодил сидевшей рядом с ним на корточках Лене прямо в лоб. В воздух взвился фонтан поднятого взрывом песка, сопровождаемый звоном счастливого детского смеха.

– Ну разве не прелесть, а?

– Вы издеваетесь? Вы специально показываете мне эти записи, чтобы подсыпать соли на мою свежую рану?

– Да брось! Я всего лишь хочу понять, что именно нравится аудитории больше всего.

– Мои страдания, разумеется! Какие еще возможны варианты?

Загудев встроенным пылесосом, робогорничная принялась обрабатывать испачканный костюм Лены. На экране же воодушевленный мальчуган лет трех-четырёх атаковал девушку сразу двумя игрушечными военными машинками, тараня ее ноги. Лена демонстративно закрыла глаза ладонью, чтобы не видеть второй раз того кошмара, который ей довелось пережить всего несколько минут назад.

– Тебе, Лен, еще повезло, – ее начальнику, напротив, созерцание мучений подчиненной доставляло, похоже, определенное садистское удовольствие, но он все же сжалился и отключил звук, – меня в прошлый раз этот поганец счел неприступным горным хребтом и покорял мои вершины сво-

ими грузовиками и танками. Вся спина потом была в красных следах от их колес и гусениц. Как будто розгами отхлестали. Хорошо еще, что ему не пришло в голову пробивать в той горе тоннели... мда...

– И Вы по-прежнему полагаете, что оно того стоит?

Антон Сергеевич закатил глаза, демонстрируя неизбывную усталость от необходимости в который раз разжевывать очевидные вещи своим недалеким подчиненным.

– Мы за счет городского бюджета, пожертвовав целым рядом текущих проектов, отстроили новый интернат, оборудовали его всем необходимым, после чего два года подавали заявки и ждали, когда нам улыбнется удача. И ты хочешь сказать, что все это – зря? Что все наши усилия – напрасны? Ради чего мы буквально выгрызали у наших конкурентов право на содержание воспитанника?

– Ради денег, разумеется, – Лена поморщилась, чувствуя, как попавший ей за шиворот песок скатывается по спине вниз.

– Да, этот мелкий негодник ежемесячно приносит нам хороший доход, но то лишь верхушка айсберга! – ее босс даже вскочил на ноги от осознания важности обсуждаемой темы, – разве возможно измерить в рублях и копейках репутацию нашего города и его администрации!? Последняя трансляция получила рекордные оценки, и мы поднялись в рейтинге сразу на несколько позиций!

– Но, в итоге, все, так или иначе, все равно упирается в

деньги, разве нет?

– И тот факт, что за судьбой нашего подопечного, а, заодно, и за нами с тобой следят десятки и даже сотни миллионов зрителей, тебя совершенно не трогает?

– Ничуть, – Лена вытащила из волос пучок сухой травы, и робогорничная тут же приобщила его к остальному мусору, – от того, что свидетелями моего унижения стали миллионы человек, мне как-то ни жарко, ни холодно. Кинозвездой я себя, во всяком случае, не ощущаю.

– Тогда хотя бы попробуй примерить на себя образ спасителя родного города. Если наше участие в программе заботы о подрастающем поколении будет признано успешным, то перед нами маячат весьма и весьма неплохие перспективы, – Антон Сергеевич плюхнулся обратно в кресло, – выбивать субсидии, во всяком случае, станет намного легче. Запустим еще несколько программ, инвесторов привлечем, туристов. Городков нашего масштаба, получивших право на участие в программе опекунов, не так уж и много, детей на всех не хватает, квота крайне ограничена, и наш успех вполне может выступать в качестве достопримечательности.

– Я же говорю – деньги.

– Не забывай, что и твои собственные планы на будущее также зависят от этого карапуза. Новый коптер бизнес-класса, ипотека на коттедж, абонемент в дорогой интим-салон... я ничего не упустил? Ты пойми, в случае удачного исхода нас могут подключить к работе уже на национальном уровне, а

там совсем другие перспективы открываются! А вот провала нам никто не простит – достаточно единственной оплошности, и парня у нас заберут. За нами целая очередь из желающих присосаться к бюджету, выделенному на его содержание.

Проекция переключилась на трансляцию из внутренних помещений интерната, где робоняня пыталась после прогулки переодеть неугомонного мальчишку, который, вертясь и извиваясь, превращал процедуру в очередной акробатический спектакль. Даже самый стойкий и смиренный живой человек, давно потеряв терпение, наградил бы мелкого бесенка хорошим подзатыльником, но робот, обладая в буквальном смысле стальными нервами, подобных проблем не испытывал. Кроме того, его манипуляторы действовали точнее и расторопней, поэтому даже в таких невозможных условиях дело, пусть медленно, но продвигалось вперед.

– Я даже не знаю, как бы мы без робонянь с ним управлялись? – вздохнула Лена, чувствуя в руках опасный зуд.

Уж она-то в такой ситуации наверняка хорошенько оттаскала бы негодника за ухо. Во время сеансов совместных игр девушке стоило немалого труда сдерживаться, поскольку его выходки опустошали ее запасы терпения в считанные минуты, и спасало лишь то, что прямая трансляция длилась всего четверть часа. Сорвись она во время эфира – и факт насилия над ребенком гарантировано поставил бы жирный крест на всей затее. И ждали бы их разбирательства, огромные штра-

фы, а то и депортация за Стену, где подобное варварское рукоприкладство в порядке вещей.

Все остальное время малышом занимались механические помощники, но даже их постоянно контролировали всевозможные телекамеры, запись с которых Ювенальная Комиссия могла проверить в любой момент. К сожалению, оставить мальчишку всецело на попечение робонянь не позволяли условия контракта, требовавшие предоставлять ребенку ежедневную порцию живого общения.

– И как в прежние времена родители не сходили с ума от жизни под одной крышей с такими вот голопузыми монстрами? – Лена задумчиво поскребла в затылке и теперь откровенно изучала свои обломанные ногти с набившейся под них грязью, – детская смертность от «несчастных случаев», должно быть, просто зашкаливала.

– Разве ты в свои годы тоже так куролесила? Ты тоже лупила родителей ведерком по голове и бросалась в них игрушками?

– Да Вы что! Мне подобное и голову бы не пришло! В противном случае мне очень быстро и доступно объяснили бы, насколько я не права. Я бы пару дней потом нормально сидеть не смогла.

– Вот видишь! Раньше все обстояло сильно иначе, – Антон Сергеевич сокрушенно вздохнул, – а попробуй ты сейчас отвесить такому безобразнику вполне заслуженную затрещину, так тебя по судам затаскают!

– Но как получилось, что за такой, в общем-то, короткий срок все настолько резко изменилось? Почему теперь детей невозможно нормально воспитывать... по крайней мере, делать это так, как делали наши родители?

На экране проектора мальчуган самозабвенно метал картофельное пюре в робоняню, по-видимому, представляя ее крепостной башней, а свою ложку – катапультией. К счастью, Антон Сергеевич заранее подстраховался и заказал всех андроидов в комплектации с усиленной защитой, что оказалось вовсе не лишним. Но даже так сервисную бригаду с полным комплектом запасных частей приходилось вызывать чуть ли не каждую неделю.

– Мир стал другим, Лен. Если раньше каждый человек деньги зарабатывал, то теперь он – лишний рот, который их только тратит. А всю работу делают молчаливые машины и послушные роботы. Когда-то многочисленные отпрыски являлись залогом выживания семьи, а сегодня они – досадная обуза. К чему обременять себя лишними хлопотами, если в старости стакан воды вполне способен подать услужливый и послушный механический слуга? Спасение от скуки все больше людей находят в виртуальных мирах, ну а если не терпится посюсюкать, то есть синтетики – минимум забот и сплошное умиление, только подзаряжать не забывай. Вот у тебя дети есть?

– Спасибо, не надо! – Лена чуть ли не брезгливо покосилась на экран, – обойдусь как-нибудь.

– Видишь! Для тебя сопутствующие издержки также перевешивают. Как и для меня, и для многих прочих. Даже полагающиеся льготы, вплоть до пожизненного льготного обеспечения, никого особо не воодушевляют.

– Вот еще! На несколько лет превратиться, по сути, в раба такого вот мелкого самодура!? Увольте! Я для себя пожить хочу! А станет совсем уж одиноко – так уж и быть, заведу себе синтетика. Только взрослого, без лишних соплей. Спокойного и послушного. И чтобы его в любой момент можно было выключить, если он вдруг наскучит.

– Но человечество должно же каким-то образом воспроизводиться, верно? – Антон Сергеевич невесело усмехнулся, – или же мы очень скоро попросту вымрем как динозавры и мамонты.

– Лет двадцать назад нас, помнится, пугали рассказами о перенаселении и неспособности планеты прокормить такую ораву голодных ртов, а теперь, оказывается, мы уже вымираем? – Лена вскинула брови и недоуменно развела руками, – куда же вдруг подевались миллиарды голодранцев, объедающих несчастный шарик Земли?

– Да никуда они не подевались, строго говоря. Просто население распределилось крайне неравномерно, и в то время, как мы здесь холим и лелеем каждого ребенка, даже доплачивая уголовникам за его рождение, где-то за Стеной все обстоит с точностью до наоборот! Особо диким племенам даже проводят принудительную стерилизацию, чтобы не плоди-

лись сверх меры, на рождение детей выделяют ограниченные квоты, за доступ к которым устраивают совершенно сумасшедшие торги, де еще и агитируют людей за добровольную эвтаназию, поскольку еды, воды и других жизненно необходимых ресурсов на всех уже не хватает. Про их Движение Освободителей слышала? Когда человек соглашается на усыпление, после чего ему весь последний год платят пособие в десятикратном размере и ублажают по-всякому?

– Да уж, то еще безумие! Вместо того чтобы спокойно жить в свое удовольствие, добровольно пойти на смерть только ради того, чтобы кто-то другой смог порадоваться жизни вместо тебя!?! – Лена помотала головой, будто отгоняя жуткое наваждение, но потом вдруг застыла и нахмурилась, поймав новую мысль, – что-то я не пойму, коли там они уже друг у друга на головах сидят, то почему бы тогда просто не переправить какое-то количество народа из-за Стены сюда, к нам? Все бы только выиграло!

– Тебе не терпится посадить на шею несколько тысяч или даже миллионов здоровых немых лбов, которые ни черта не умеют и за всю жизнь даже гвоздя не забили, всю жизнь существуя исключительно на пособие? По-твоему, так будет лучше?

– А Вы полагаете, что из нашего воспитанника вырастет что-то более толковое? – очередным метким выстрелом карапуз засадил порцию пюре аккуратно в объектив камеры, и весь экран заполонила желтоватая мгла. Послышался зали-

вистый детский смех, – меня, знаете ли, не удивляет, что его родная мать отказалась от ребенка.

– Строго говоря, его биологическая родительница выносила младенца исключительно по причине соответствующего приговора, – Антон Сергеевич сверился с информацией на мониторе, – она там кого-то случайно на машине переехала, ну ей и присудили Компенсацию Смерти. Такая вот история.

– А как же клонирование? Нам его все обещают и обещают...

– Увы, но без живой роженицы пока обойтись не получается.

– Так мы очень скоро докатимся до того, что детей будут рожать только под страхом смерти, и все они в итоге окажутся потомками осужденных преступников, – хмыкнула Лена, – ну а нас-то кто ко всем этим мукам приговорил? И за что?

– За деньги, дорогая моя, за деньги! Ты же сама говорила...

Сегодня Рустам из всего доступного автопарка выбрал такой же белоснежный лимузин, как и его костюм. Он постарался всеми возможными способами подчеркнуть, что сегодняшний день – праздник, а не похороны. И, даже рискуя выглядеть как попугай, он все равно настоял на ярко-желтой сорочке и сочно-зеленом галстуке. Пусть окружающие хоть

на секунду улыбнутся.

Вся обслуга выстроилась вдоль дороги, махая ему вслед со странной смесью слез и радости на лицах. Прощание всегда печалит, но мысль о том, что сегодня Освободитель, с которым они жили бок о бок последнее время, сделает мир чуточку лучше, наполняла души счастьем и гордостью от осознания собственной причастности к происходящему.

Машина набрала ход, и роскошный особняк, ставший почти родным, остался позади. Уже завтра сюда заселится другой человек, чтобы с максимальным комфортом провести последние дни и месяцы своей жизни. Еще один отчаянный герой, расчищающий дорогу для нового, более светлого будущего.

За окном проплывали аккуратные и чистые улицы квартала Освободителей, но в просветах между деревьями нет-нет, да и мелькала противоположная сторона залива, словно струпьями облепленная ветхими лачугами и пестрящая сушащимися на веревках лохмотьями. Иногда казалось, что даже сюда долетают отзвуки той густой атмосферы затхлости и нечистот, что насквозь пропитывала задыхающийся от перенаселения город. Среди этой вони прошли все детство и юность Рустама, но в таком возрасте многое воспринимается иначе, но потом он все чаще начал задаваться крайне болезненным вопросом – а что дальше? И раз за разом сам себе отвечал – ничего. Ровно те же самые вонь, грязь и голод.

Однако судьбе было угодно предоставить Рустаму шанс,

дать ему возможность выбора – продолжать влачить жалкое нищенское существование на выделяемое государством крохотное пособие по безработице, которого еле-еле хватало на простое выживание, или же принять решение и совершить Поступок.

В ситуации, когда простая пресная вода становится дефицитом, а электрическая лампочка вместо вонючих масляных светильников под потолком ночлежки – чуть ли не признаком роскоши, буквально агонизирующему обществу волей-неволей приходится определяться с базовыми приоритетами. И здесь в полный рост встает непростой вопрос, как поступить – создать нормальные условия жизни хотя бы для небольшой части жителей или же пытаться обеспечить выживание для всех. Пусть даже на грани голодной смерти.

И добровольное Движение Освободителей стало той самой палочкой-выручалочкой, способной разрешить эту дилемму, обеспечить лучшую жизнь для следующего поколения, расчистив для него мир от старого мусора, лишь затягивающего людей в пучину неизбежной нищеты.

До того момента власти перепробовали, пожалуй, все мыслимые варианты, нацеленные на удержание в узде непрерывно растущей численности населения – и принудительную стерилизацию, и конские штрафы за несанкционированное рождение второго ребенка, и повышение возрастного порога для вступления в брак, но все тщетно. Препоны и запреты оказались неспособны существенным образом повли-

ять на ситуацию.

Но потом пришли Освободители.

Они не запрещали, не заставляли, не принуждали, действуя исключительно силой убеждения и аргументов.

Какой смысл продолжать барахтаться в грязи, не имея ни единого шанса выбраться из этой ловушки? Что толку в бессмысленной жизни, когда ты ничего, абсолютно ничего не можешь сделать ни для себя, ни для человечества в целом? У тебя нет ни малейшей возможности совершить научный или культурный прорыв, ты не оставишь после себя никакого наследия, о котором могли бы помнить благодарные потомки, ты даже не сможешь продолжить свой род, поскольку никогда не заработаешь на запредельно дорогую детскую квоту! Все, что тебе остается – день за днем, год за годом проедать и прожигать ценнейшие, подчас невозполнимые ресурсы без какой-либо полезной отдачи.

Тебе кажется, что ты бегаешь по кругу, что ты уткнулся в тупик, однако выбор есть всегда!

Ты все еще способен подняться над сиюминутными желаниями, преодолеть первобытные животные страхи, выйти за рамки банальных физиологических потребностей! Ты способен на большее!

Твоя никчемная жизнь лишена цели и смысла, но твоя смерть во имя счастья других – вот деяние, достойное настоящего Человека!

Пусть тебе самому не довелось создать в этой жизни что-

то великое и запоминающееся, ты все еще можешь помочь тем, то придет после, внести свою лепту в их достижения, стать фундаментом их будущих свершений и славы! Коли ты сам не смог добиться успеха, то самым разумным будет отойти в сторону и освободить молодым дорогу к новым свершениям. Смести прочь мусор, мешающий их движению вперед. Сэкономленные ресурсы помогут обеспечить им лучшие условия жизни и сделают возможными самые дерзкие их мечты. И благодарные потомки никогда не забудут твоей жертвы, принесенной на алтарь благополучия будущих поколений, поскольку без нее само их выживание оказалось бы под вопросом.

В знак своей признательности, общество обеспечит каждому Освободителю, присоединившемуся к Движению, максимально комфортные условия проживания в последние месяцы перед Уходом, чтобы он еще при жизни смог почувствовать всю глубину его благодарности...

Повинуясь указаниям хозяина, робогорничная вооружилась модулем официанта и вкатилась в кабинет с подносом, на котором стояли два бокала с бутылкой вина. Ловко орудуя манипуляторами, она откупорила ее и подала полные бокалы Лене и ее боссу. После пережитого сильного стресса всем определенно требовалось немного расслабиться.

Малыш тем временем переместился в игровую зону, но даже оттуда он продолжал артобстрел уборочного бота,

ликвидировавшего щедро разбросанные вокруг последствия недавнего обеда. Похоже, что абсолютно все его игры сводились к непрерывным взрывам и катастрофам, в результате которых ежедневно десятки игрушечных машинок отправлялись на утилизацию.

– Неужели Ювенальная Комиссия не понимает, что постоянное потакание его требованиям и капризам – это ни разу не воспитание!?

– Я думаю, они все прекрасно понимают, – Антон Сергеевич задумчиво потягивал вино, глядя поверх кромки бокала на беснующегося сорванца, – но детей у нас сегодня рождается настолько мало, что каждый из них невольно становится настоящим сокровищем, которое они вынуждены всячески оберегать. Случись что – спросят же с них, больше не с кого. Вот они и стелют соломку везде, где только можно.

– Да они своих подопечных буквально облизывать готовы! Для них каждый ребенок – курица, несущая золотые яйца, дар Божий, приносящий миллионы из госбюджета! Дай им волю – завернут его в поролон и в пенопласт упакуют, лишь бы не поцарапался ненароком.

– А что поделать? К чужим детям люди, как правило, относятся с большим трепетом, нежели к собственным. Своего бы отлупил как следует – и дело с концом, но бабушки всегда балуют внуков и внучек, понимаешь?

– Бабушки... внуки... – задумчиво протянула Лена, – по нынешним временам эти слова звучат почти так же анти-

кварно, как, скажем, кринолин или извозчик. Вот у кого-нибудь из Ваших знакомых есть внуки?

– Некоторые из моих знакомых даже не в курсе, что такое дети, – Антон Сергеевич кивнул на пустой бокал, и робогорничная оперативно его наполнила, – завели себе синтетиков и забавляются с ними, даже не догадываясь, для чего изначально предназначены все эти... телодвижения.

– Мне, честно говоря, даже немного страшно становится, когда я думаю о том, какое чудовище из него вырастет, – Лена брезгливо покосилась на экран, где мальчишка охаживал подушкой робоняню, пытающуюся после обеда уложить его спать, – он же ни разу в жизни не слышал слова «нельзя» и понятия не имеет, что оно вообще означает!

– А тебе не наплевать? Это, в конце концов, будет уже не нашей проблемой, не так ли? – Антон Сергеевич указал робогорничной на опустевший бокал своей помощницы, – от нас ведь никто не ждет самопожертвования и совершения подвигов, наша задача – лишь немного потерпеть ради нашего собственного благополучия.

– Да я-то потерплю, не вопрос, – девушка одним махом прикончила очередную порцию вина, – но мы же тем самым подкладываем жирную свинью всем тем, кто будет иметь с ним дело после!

– Сейчас от нас требуется без замечаний довести до конца текущий проект и сбегать это несносное сокровище дальше по конвейеру. А там – хоть трава не расти!

– Но мы так всю планету в итоге отдадим в руки избалованных социопатов! Вас подобная перспектива не страшит?

– До этого светлого будущего еще дожить надо. Да и не наша это забота, пусть потомки сами разбираются... если они еще будут, конечно. Мне почему-то думается, что такими темпами мы, вообще, выйдем раньше...

Антон Сергеевич умолк, глядя на малыша, который, вдоволь нарезвившись и накувыркавшись, теперь лежал в кровати, сосредоточенно ковыряя в носу. Его глазенки моргали все медленней и медленней...

Робоняня осторожно накрыла уснувшего безобразника одеялом и укатила собирать разбросанные по комнате игрушки.

– А когда они спят, то кажутся даже симпатичными, – чуть ли не умильно вздохнул Антон Сергеевич.

– Ага! Маленькая курносая атомная бомбочка, – трянула головой Лена, рассыпав по столу еще немного песка, – нет уж! Меня Вы так дешево не проведете! Завтра Ваша очередь унижаться перед миллионной аудиторией. Ради лучшего будущего, разумеется.

– Так я от своей части ответственности и не отказываюсь, – ее босс сделал вид, будто оскорбился, – тяну лямку и не жалуясь...

Он прервался, чтобы ответить на вызов коммуникатора.

– ...да, спасибо, я всегда слежу за трансляциями.

– ...отрадно слышать! Мы в администрации не жалеем

сил и делаем все от нас зависящее, чтобы обеспечить малышу максимально комфортные условия.

– ...какое именно?

– ...еще одного? Но... да, я понимаю... то есть...? В Национальной программе!?

– ...да, конечно, мы подумаем, просто все это так... неожиданно.

– ...хорошо, я перезвоню.

Антон Сергеевич отложил в сторону коммуникатор и вытер проступивший на лбу пот.

– Твое последнее выступление оказалось настолько удачным, – он оттянул ворот душившей его рубашки, – что Ювенональная Комиссия предложила нашему городу взять на попечительство еще одного карапуза.

Послышался короткий хрустальный звон, и Лена, ойкнув, уронила на стол осколки лопнувшего в ее руке бокала. Робогорничная немедленно метнулась ей на выручку, держа наготове медицинский модуль.

– Отвали, железяка! – огрызнулась девушка, впившись губами в порезанный палец.

– Ты, кажется, чем-то недовольна? – Антон Сергеевич принял у механической служанки новый бокал и наполнил его.

– Меня и один-то скоро в могилу сведет, чему я должна радоваться?

– Ты просто не понимаешь, на какой уровень мы теперь

выходим! Наш город признали образцовым и его включают в Национальную программу! К нам теперь губернаторы и мэры на стажировку приезжать будут! Под такую работу мы можем получить финансирование, о котором раньше и не мечтали!

– Ну да, будем проводить для них семинары на тему: «Как продолжать счастливо улыбаться, когда тебя лупят игрушечной лопаткой по голове».

– Да хоть так! – Антон Сергеевич рубанул рукой воздух, – если мы докажем, что умеем управляться с детьми, то очень скоро вся наша работа сведется именно к обмену опытом с другими. Жертвовать собственной головой нам уже не придется! Продержись еще месяцок! Мы обязаны оправдать оказанное нам доверие! Опекунство сразу над двумя воспитанниками – это же огромная честь! Самая настоящая награда за наши труды!

– А по мне, – Лена еще немного пососала кровоточащий палец и придирчиво его осмотрела, – так больше похоже на приговор. Уж лучше бы меня расстреляли...

Храм Вечности располагался в самом центре квартала Освободителей, вздымаясь над окружающими зданиями своими куполами и шпилями. Каждый день у его подъезда останавливались машины, подвозящие новых героев, пожертвовавших своей жизнью ради общего блага. Каждого из них сопровождали репортеры, стремящиеся запечатлеть их

последние минуты, чтобы приобщить записи к летописи беспримерного подвига, равных которому не ведала История.

Еще год назад сообщения из мира, где обитают богатые и знаменитые, воспринимались Рустамом как репортажи из другой галактики, но после присоединения к Движению Освободителей, он, неожиданно для себя самого, также оказался вовлечен в новостные выпуски. Что, впрочем, было вполне объяснимо. Люди, сумевшие преодолеть путы застарелых инстинктов и открывшие миру путь в лучшее завтра, заслужили свою частичку славы. Соответствующие репортажи и интервью привлекали в Движение все новых членов, а потому Рустам охотно на них соглашался, едва ли не впервые в жизни чувствуя, что делает нечто необходимое и важное.

Сегодня он также постарался предстать перед камерами в самом лучшем виде, излучая спокойствие, оптимизм и чуть ли не предвкушение предстоящей процедуры, и его яркий наряд пришелся как нельзя кстати, притягивая взгляды и объективы. Рустам не мог себе позволить проявление даже малейшей слабости, чтобы не подвести Движение. От него, как и от других его членов, в самом прямом смысле зависело само Будущее, и он гордо нес это бремя на своих плечах.

Да, он слышал о других, проявивших слабость духа, либо, что еще хуже, пытавшихся пойти на обман, воспользовавшись всеми благами Последнего Года, а потом сбежав. Их все равно очень скоро ловили и доставляли в Храм, но те сюжеты в новостные выпуски, разумеется, не попадали. Ру-

стам видел соответствующие записи, и ничего, кроме чувства омерзения, вид взрослых людей, ползающих по полу и размазывающих по лицу слезы и сопли, у него не вызывал. Человек, полностью поработанный своими животными инстинктами, заслуживает только презрения. Да и может ли он называться Человеком в полном смысле этого слова?

Рустам же воспринимал предстоящую процедуру как часть своего долга перед грядущими поколениями, перед маленькими, юными человечками, фотографии которых украшали стены Храма. Ведь именно ради них, ради их счастья, ради самой возможности их появления на свет Освободители уходили в Вечность, расчищая планету для лучшей жизни.

Конечно же он знал, что подавляющее большинство младенцев сегодня рождалось исключительно в рамках квот, приобретение которых оказывалось по карману далеко не всем. Двух детей могли себе позволить только очень обеспеченные граждане, ну а третий малыш обходился и вовсе в целое состояние. Таким образом, для счастливых родителей, добившихся права на рождение ребенка, он представлял собой настоящее живое сокровище.

И все равно, глядя на счастливые детские личики, даже догадываясь, что они родились в обеспеченных семьях, вполне способных их прокормить и обеспечить всем необходимым, Рустам оставался верен сделанному однажды выбору. Младенцы ведь не виноваты, что их родители – состоя-

тельные люди, и их еще неясное будущее точно так же зависит от способности планеты прокормить всех ее обитателей. И именно ради их благополучия, ради их счастья Рустам и другие Освободители решались на Уход.

Единственный реальный страх, который он ощущал впереди – риск повторить тот путь упадка, что прошли люди, укрывшиеся внутри метафорической Стены от надвигающегося со всех сторон остального мира. В рубрике «Их нравы» ему регулярно попадались репортажи «с той стороны», и Рустам испытывал невольную тревогу от понимания, что и его народ не гарантирован от повторения тех же ошибок.

Насколько безумными должны быть люди, отказывающиеся от собственных детей в пользу кибернетических заменителей!? Что именно сломалось в их головах, что они решили обменять любовь на синтетические удовольствия или на ее виртуальный аналог!? Как низко должно пасть общество, чтобы властям, высунув язык, приходилось бегать с пухлыми пачками денег наперевес в поисках хоть кого-то, согласного родить малыша или взять его на содержание!? И можно ли считать действующие по эту сторону Стены запреты на нейроинтерфейсы и роботизированных бытовых помощников достаточной мерой, чтобы предотвратить скатывание в ту же пучину деградации!? Не окажется ли его, Рустама, жертва в конечном итоге напрасной!? Что, если и его сородичи, дорвавшись до технологических новинок, освобождающих от забот, труда и усилий, точно так же вырождаются и

очень скоро бесследно сгинут с лика планеты!?

Но, как говорится, потеряв голову, по волосам не плачут. Рустам сделал свой выбор, он дал потомкам шанс, ну а уж как они им воспользуются, от него, увы, уже не зависит.

Приветливые улыбочивые девушки проводили его в соответствующий кабинет, ни на секунду не забывая напоминать Рустаму о важности его миссии и его личном мужестве. Окружающая обстановка, впрочем, мало напоминала медицинское учреждение, больше походя на дорогой массажный салон, изобилуя дорогим деревом, кожей и вкрадчивым полумраком. Тут его уже ожидал Проводник, облаченный в строгий костюм-тройку. Он пригласил Рустама занять место на ложе и вежливо осведомился о пожеланиях клиента. Музыка, свет, напитки – все, что угодно для создания соответствующей атмосферы и должного настроения.

– Дети, – Рустам опустился на мягкую кушетку, приняв-шую его как родного, – видео со счастливыми детьми, пожалуйста. Я хочу видеть лица и глаза тех, ради кого освобождаю этот мир.

– Да, разумеется! – кивнул Проводник, отступив к панели управления.

Потолок растворился, превратившись в голопроекцию, демонстрирующую вид на детскую площадку, где мальчишка лет трех вовсю резвился, горюдя космические базы и немедленно их уничтожая взрывами упавших с неба астероидов. С экрана несло непрерывное «уииууу!», «вжжух!» и «ба-

бах!». Игравшая с ним симпатичная девушка громко смеялась, искренне наслаждаясь общением с мальчуганом и не обращая внимания на испачканный костюм и спутанные волосы. Даже угодившее прямо в лоб синее пластиковое ведерко не смогло испортить ей настроения. Быть может, именно так и выглядит настоящее счастье.

Послышалось тихое шипение подаваемого в кабинет газа, и Рустам закрыл глаза, но перед его внутренним взором продолжали плясать картины, где радостно смеялся симпатичный озорной мальчуган...

(Иллюстрация на обложке – Илья Шумей)